

Панельная дискуссия БЕЛЫЕ ПЯТНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор (<i>модератор</i>)
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
В. Н. ПЛИГИН	председатель Комитета Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мое общение с юридической общественностью на протяжении последних 20 лет протекало непросто. Я считаю, что юриспруденция, как и экономика, является подсистемой огромного комплекса, который называется культурой.

Юриспруденция, так же как и экономика, — относительно обособленный по целому ряду признаков культурный комплекс, как и многие другие подсистемы. Юриспруденция связана огромным количеством невидимых нитей со всем массивом культуры (экономикой, политической деятельностью и многими другими подсистемами). Эти связи еще не полностью изучены и не полностью осознаны. Коллеги-юристы, доктора юридических наук, говорили мне: «Речь идет о правовой культуре, о том, что граждане не понимают законы»? На мой взгляд, речь идет не об этом, а о том, что существование правовых механизмов — по сути, явление культуры в нашей жизни и подчиняется тем же законам.

Последние 20–25 лет мы постоянно старались вписаться в международную правовую ситуацию, выстроить право в России по правилам, которые приняты в международном сообществе. Россия отставала от имплементации этих правил международного сообщества и хотела быстро войти в эту систему, чтобы все встало на свои места. Мы знали, что существуют германская и англосаксонская системы права. При этом выяснилось, что проблемы существования права в огромной системе координат культуры не сводятся к тому, знают граждане законы или нет, выгодно применять законы или нет. Оказывается, сама возможность функционирования права является производной от исторических

корней данного государства, национальных традиций, национального менталитета, всего культурного комплекса.

Мы это увидели в конкретных проявлениях. Многие сейчас политизируют проблемы ЮКОСа, полагают, что Россия просто не хочет платить деньги, поэтому отказывается от западных юрисдикций. Но ситуация намного глубже и серьезнее. Даже если не учитывать дело ЮКОСа, останется проблема понимания права Европейским судом по правам человека, потому что существуют культурные, исторические отличия судов в России и Европе. У Евросоюза много внутренних проблем, а также проблем с США. Многие договоренности подвергаются эрозии. Но в любом случае надо учитывать фактор национальных культур.

В данной дискуссии имеются в виду белые пятна не в географическом смысле (то, что не нанесено на карты), а в праве — позиции, по которым не достигнуто всеобщего международного понимания юристами высочайшего уровня. Мы не сможем сегодня здесь обсудить все белые пятна, я прошу коротко, по существу обозначить наиболее острые, ключевые проблемы, по которым международное сообщество не может договориться. Эта невозможность договориться, имеющая глубокие корни (не политические, а именно культурные), создает большие проблемы.

Слово предоставляется модератору — академику Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Жизнь в государстве либо в мировом сообществе весьма динамична

и развивается в различных направлениях. Право все-гда консервативно. Оно на протяжении истории, включая современность и будущее, будет отставать от тех процессов, которые происходят в политической, экономической, социальной и других сферах. Разный темп развития общества и формализации регулирования этих процессов в праве порождает то, что я назвал бы белыми пятнами. Они существуют во внутреннем праве, и когда мы обсуждаем эти проблемы на примере национального законодательства, они отчетливо видны. Но когда речь идет о международном праве, мы не можем говорить о какой-то одной стране (даже если она населена большим количеством людей, как Китай, либо сильна в экономическом и политическом смысле, как США). Мы говорим о мировом сообществе (это не абстрактная категория) — государствах, которые являются членами ООН. Наша задача — посмотреть, какие именно процессы развиваются в сфере международных отношений и насколько существующее международное право на сегодняшний день адекватно этим процессам.

Слово предоставляется Владимиру Николаевичу Плигину.

В. Н. ПЛИГИН¹: — Глубокоуважаемый Андрей Геннадьевич, уважаемые дамы и господа! Для меня большая честь второй раз присутствовать в вашем динамично развивающемся Университете.

Тема, которая рассматривается сегодня, не может быть исчерпана в рамках одной дискуссии (сложно даже приблизиться к этой теме).

Я согласен с мыслью, озвученной ректором А. С. Запесоцким, — право является частью культуры, но, будучи ее частью, оказывает огромное влияние на культуру. Эта многогранная дискуссия о взаимном влиянии права и культуры уже сама по себе интересна. Начало ей было положено на Петербургском международном юридическом форуме.

Что касается белых пятен в сфере международного права, то мы должны понимать, что международное право — это нечто идеальное, но, будучи идеальным, оно функционирует. Развитие права происходит в зависимости от того, что происходит в мире. В ближайший период времени, к сожалению, основной чертой, которая характеризует мировое развитие, будет фрагментация. После Второй мировой войны сложилась более или менее стабильная система. Сегодня эта система ушла в прошлое, она не возвратится, будет происходить фрагментация, в том числе центров силы. Появится больше центров силы и исчезнет классическое представление о суверенитете.

Новое белое пятно — как увязать, с одной стороны, уходящую идею суверенитета, с другой — уважение к суверенным государствам? Другое белое пятно —

¹ Депутат Государственной Думы РФ IV–VI созывов, председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор ряда публикаций в сфере правоведения, в т. ч.: «Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений в странах ЕС и ЕАСТ», «Управление государственным имуществом» (в соавт.) и др. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета.

что значит переход от суверенитета к наднациональным образованиям? Следующее белое пятно — произвольное использование новых подходов вместо ранее согласованных. Была выстроена система международной торговли, пронизанная большим количеством правил и подразумевавшая скрупулезное отношение к таким категориям, как частная собственность, свобода предпринимательства. Но на эту систему наложили отпечатки последние процессы, происходящие в мире.

Нужно провести серьезную дискуссию по поводу изменяющейся роли прав человека, о том, каким образом сохранить действующую концепцию прав человека, которая была начата в Конституционном Суде РФ. В рамках четырех вызовов: 1) миграционного; 2) исчерпания ресурсов; 3) изменяющегося климата; 4) распространения вооружений — будет происходить фрагментация. По оценкам германских ученых, то, каким образом выстраивается концепция прав человека, в ближайшее время будет касаться миллиардов людей.

Чтобы заполнить эти лакуны, белые пятна, нам придется провести серьезный разговор о ценностях (справедливость, истинность и пр.). И если нам это удастся сделать, мы сможем понять главное — как сохранить баланс, который существовал ранее, в каких объемах он должен сохраняться, какие нормы должны быть изменены, какие международные институты продолжают выступать гарантом международного права?

В деревне, расположенной неподалеку от Берлина, на международном форуме 10 человек из США, 10 человек из Германии и 10 человек из России в течение трех дней говорили о понятии «ценность». Трехдневный разговор показал, что мы приближаемся к этим ценностям и общему пониманию, но у нас глубинно разные представления, которые нужно уравнивать. Попробуем заполнить сегодня хотя бы одно белое пятно.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Николаевич затронул фундаментальные проблемы. Пожалуйста, задавайте вопросы.

С. Б. БАЙЗАКОВ, научный руководитель Института экономических исследований (Казахстан), доктор экономических наук: — Тема ценностей интересна сама по себе. На каком определении Вы остановились?

В. Н. ПЛИГИН: — Мы пытались определить то, что является ценным, хотя это задача не юристов, а религий. Все великие религии и человечество объединены одной важной ценностью — уважением к праву на жизнь. Но, как показывает современная практика, даже в приближении к теме мы начинаем расходиться. И если в том месте, которое мы называем цивилизованным миром, приблизились к пониманию права на жизнь, существует огромное пространство (распадающиеся или слабые государства), которое охватывает сотни миллионов людей, где попирается право на жизнь. К сожалению, они, как черные дыры, вовлекают в этот процесс и другие территории.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Принимая во внимание философские категории, которые были

затронуты в праве, я предоставляю слово профессору Кёхлеру, чтобы он высказал свои соображения по поводу того, что же с точки зрения философии права служит причиной возникновения белых пятен.

Г. КЁХЛЕР: — Что означает международное право, в частности международное господство права? Эти термины часто употребляются в выступлениях Генерального секретаря ООН и многих других международных деятелей. Это нормы, которые используют систему принуждения. Норма не будет являться таковой, если не применять средства принуждения, что осуществляется государством, в котором доминирует право.

Сегодня важно цивилизованное поведение: государство ведет себя цивилизованно, если там главенствует право (причем на устойчивой основе), право отделено от власти, — это относится к суверенным государствам. Но так происходит, когда речь идет о системе норм, которые управляют отношениями между государствами, — я имею в виду международное право. Не существует единой системы международных норм, международного государства (и, наверное, не нужно стремиться к его созданию).

Итак, нет единой системы, нет единых мер сдержек и противовесов, ранее существовала рудиментарная форма. Я говорю об организации, которая сейчас называется всемирной, — ООН. Это самая крупная межгосударственная организация, которая объединяет почти все государства (за небольшим исключением). Один из главных принципов ООН состоит в том, что использование силы незаконно во взаимоотношениях между государствами. Ни одному государству не разрешается использовать силу против другого суверенного государства или угрожать использованием силы. Это благородный принцип, но если он предполагается как краеугольный камень международной системы права, то должна существовать система принуждения. Поэтому в 7-й главе Устава ООН регулируются действия властей, Совета Безопасности в случае нарушения этого правила, если одно государство нападает на другое или угрожает войной другому.

Проблема заключается в том, что применение права несовершенно, потому что все зависит от согласия пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Мы упускаем еще один момент — параграф 3 ст. 27 Устава ООН гласит, что общий принцип справедливости неприменим к решениям Совета Безопасности ООН по вопросу международной безопасности и мира. Это означает, что если какое-либо государство напало на другое государство и является членом Совета Безопасности, то оно все равно имеет право голосовать в качестве члена Совета Безопасности, несмотря на то что это правило не соответствует принципам справедливости. То есть такое государство может действовать незаконно в отношении основ Устава ООН. Если на мировом уровне установится баланс сил, как было в то время, когда была образована ООН, то проблема перестанет быть такой острой.

Нарушение существующего баланса сил подводит меня к вопросу, связанному с другим краеугольным камнем Устава ООН, — суверенитетом. В Уставе ООН

этот принцип предполагает суверенное равенство государств — членов ООН. Это можно трактовать как попытку создать условия для справедливого участия всех членов международного сообщества (независимо от того, большое государство или маленькое, богатое или бедное и т. д.). Все смогут голосовать в рамках ООН.

Реальность, в которой действуют международное сообщество и ООН, такова — всегда существует воздействие различных сил. Приведу пример. В 1999 году проходили консультации Совета Безопасности ООН по вопросу вторжения Ирака в Кувейт. Несколько государств, которые не входили в число постоянных членов Совета Безопасности ООН, отказались предоставлять все права Совету Безопасности воздействовать на Ирак, используя все средства, находящиеся в их распоряжении. В ООН проводились тайные консультации, в ходе которых оказывалось воздействие на ряд более слабых государств, не входящих в число постоянных членов Совета Безопасности. Какова же ценность голоса непостоянного члена Совета Безопасности, если на него оказывается давление и в отношении него применяется сила? Какую силу имеет подпись под подобным документом, если она достигнута путем принуждения?

Хочу отметить еще один аспект — белые пятна в вопросе о правах человека. Сейчас мы пытаемся создать систему наказания, новую сферу — так называемое международное уголовное право. Никто (ни генерал, ни премьер-министр, ни король и пр.) не сможет избежать международной ответственности за преступления против человечества и т. д.

Уже 14 лет действует Международный уголовный суд. Рассматривались преступления против человечества, которые совершались в странах к Югу от Сахары, против руководителей государств и т. д. Проблема заключается в том, что некоторые страны, обладающие крупным военным потенциалом, не подписали этот договор, а значит, он уже не так силен. Было невозможно достичь компромисса во время утверждения Устава Международного уголовного суда. Право передавать дела в Международный уголовный суд, даже если страна не подписала этого документа, было предоставлено Совету Безопасности ООН. Таким образом, Совет Безопасности может определять юрисдикцию Международного уголовного суда (так произошло в случае с Суданом и Ливией). Проблема в том, что резолюция, которую принял Совет Безопасности, о передаче дел в Международный уголовный суд, содержит положения, согласно которым возможные нарушения международного уголовного права странами — членами военных контингентов, которые входят в эти страны, не подлежат наказанию. Таким образом, это особое законодательство, которое принято Советом Безопасности ООН по политическим мотивам.

Как можно говорить, что создание Международного уголовного суда является величайшим достижением человечества, если в нем существуют недостатки (когда он занимается судебным преследованием только тех людей, которые живут в более слабых государствах)? Государства, которые не представлены в этом суде, мо-

гут потребовать судебного производства в отношении государственных лиц и стран, которые не относятся к компетенции этого суда (так было с Суданом и пр.).

США много раз подчеркивали, что они никогда не ратифицируют договор о создании Международного уголовного суда, потому что считают это нарушением национального суверенитета. Данный факт выступает как фактор деморализации международного сообщества. Как другая страна может подчиняться его решениям, если великая держава отказывается ратифицировать договор о создании этого суда?

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — В выступлении господина Кёхлера прозвучало несколько принципиальных моментов, которые отличают международно-правовую сферу регулирования от национальной. Часто мне, как международнику, коллеги по внутригосударственному цеху задавали вопрос: чем Вы руководствуетесь, когда нет инструментов принуждения, то есть в международном праве нет таких положений, которые существуют в национальных юрисдикциях? Аналогично тому, что было сказано господином Кёхлером, высказываются юристы в России.

В докладе было проиллюстрировано, что существуют определенные области, в первую очередь в сфере международной уголовной юрисдикции, где действует механизм принуждения. Но одновременно возникает каверзный вопрос: государства все равны, но среди них есть более равные? Когда мы говорим о Ливане, Судане, Сомали, сложно представить аналогичную ситуацию. Безусловно, проблема существует, и со временем она должна быть решена, на это требуется не один год, может быть, не одно десятилетие. На Лихачевских чтениях мы можем задать вектор ее решения.

Слово предоставляется специалисту в области права, олицетворяющему суверенитет страны, судье Конституционного Суда РФ профессору Г. А. Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Мне бы хотелось поговорить о такой части международного права, которая называется «международное гуманитарное право». Это право, которое регламентирует самое главное для человека — права человека. В этом сегменте международного права есть инструменты, как обеспечить права, во всяком случае, в той части мира, которая считается Европой. И, по моему глубокому убеждению, Россия была Европой, является Европой и будет Европой, кто бы что ни говорил. Мы так ментально сформированы, что все-таки являемся европейцами, я постоянно это повторяю и тем самым выражаю свою позицию. В этой части международного права тоже очень много противоречий, и с равным успехом эти противоречия и проблемы можно назвать белыми пятнами.

Расскажу одну очень занятную историю, понятную даже тем, кто не учится на юридическом факультете. Два российских далеко не самых законопослушных гражданина, которые отбывали наказание в тюрьме, обратились в Европейский суд по правам человека и попросили признать их права нарушенными. Они были осуждены за убийство к смертной казни, потом это наказание было заменено на пожизненное лишение

свободы и после кассации дошло до 15 лет. Во время отбывания наказания они решили заявить о том, что поддерживают президента и хотят за него голосовать. Но по Конституции Российской Федерации (а не по избирательному закону) лица, которые отбывают наказание по приговору суда, голосовать не могут. Они пожаловались, и их жалоба поступила на рассмотрение Европейского суда. Суд выразил свою правовую позицию исходя из того, что среди европейских государств складывается некий консенсус. Он еще не до конца сформировался, но уже есть некое ядро. Согласно представлениям европейского права, даже если человек находится в местах лишения свободы, надо уважать его личность, его достоинство, надо думать о том, как бы его ресоциализировать, связать с обществом, а значит, ему надо дать право голосовать.

Европейский суд по правам человека признал, что права этих двух граждан нарушены, после чего дело поступило в Россию для исполнения. И тут возникла заминка, потому что органы государственной власти сказали: «Да, но у нас самым главным является внутренний закон, Конституция, а не международное право». Появилась неопределенность, которая состоит в том, что патриоты скажут, что, безусловно, Конституция важнее, чем международное право. Но в то же время в ней есть и такие положения, которые могут позволить сделать и другой вывод. В одной из статей Конституции говорится, что мы в Российской Федерации признаем права человека, гарантируем их исходя из общепризнанных принципов международного права. Некая отсылка к тому, чего нет в Основном законе, но что мы признаем и что объективно существует. А в международном праве в качестве общепризнанного рассматривается принцип пропорциональности. Философы хорошо знают, что такое золотая середина, человечество до этой идеи додумалось много тысячелетий назад. Но в этом случае золотую середину найти не очень легко.

С одной стороны, есть гуманитарный интерес дать человеку, даже если он находится в местах лишения свободы, возможность общаться, в том числе путем голосования. Но есть и другая правовая ценность — это свобода выбора. И эту конституционную ценность государство должно гарантировать. Проблема в том, можно ли обеспечить в местах лишения свободы в России свободу голосования. Можем ли мы гарантировать эту свободу? Вот вам реальный конфликт. И как выходить из этой ситуации? Вопрос стоит так: что выше — национальное право в виде Конституции, высших норм российского права, или же все-таки надо руководствоваться международным правом? Скажу, каким было решение Конституционного Суда. Он не стал говорить, что не надо выполнять решения Европейского суда, хотя такая возможность, конечно же, существовала, потому что каждый из членов суда, вступая в должность, приносит клятву соблюдать Конституцию Российской Федерации, а значит, и статью о том, что человек, который находится в местах лишения свободы, не должен голосовать. Вот такая непростая ситуация. Выбор оказался все-таки в пользу пропорциональности, необходимости искать оптимальное

и рациональное решение, несмотря на прямую запись в Конституции. И это означает, что законодателю при наличии текста Основного закона надо думать, как соизмерять и то, что содержится в европейском праве, и то, что содержится в Конституции РФ. Кому-то может показаться, что это нерешаемая задача, но нет, она с трудом, но решаемая.

Какие тут возникают проблемы, даже если отталкиваться от этого примера? Проблемы в том, что у европейского права, у международного гуманитарного права явно обозначилась тенденция сделать свои нормы предельно универсальными. То есть это некие стандарты, которые международное право хотело бы обнаружить в каждой стране. Но не каждая страна готова эти стандарты «переварить», потому что, по правде говоря, не все государства находятся на одном культурном уровне. И некоторые европейские страны очень легко согласились на этот каталог прав, не понимая, что это может являться свидетельством того, что вообще юридически суверенных стран в мире 200 или около того. А если говорить по существу, на самом деле суверенных стран не так уж и много, если иметь в виду, что суверенитет — это понятие не только формально юридическое.

У каждого народа есть свои традиции, представления. Я сейчас говорю не об отсталых традициях, не о предрассудках, а о том, что у каждого народа есть своя культурная идентичность. Она есть у индусов, у китайцев, у бразильцев, она есть в Южной Африке и в России. Удивительное дело: именно эти пять стран образовали международное объединение. Это очень показательное. У этого объединения есть не просто экономические и не только политические причины, хотя, наверное, дипломаты считают, что это самое главное. У этих пяти стран есть очень серьезные юридические предпосылки для того, чтобы быть вместе в мировом сообществе. Желание отстоять свою культурную идентичность порождает, я бы сказал, не противоречия, а определенную напряженность в истолковании того, что такое права. Да, об этом могут быть разные представления, но в этом нет ничего удивительного и тем более трагичного. Это нормальный процесс, который рождает спокойный, нормальный диалог. И с помощью этого диалога можно обо всем договориться.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое. Коллеги, пожалуйста, задавайте вопросы.

А. Н. ЧУМАКОВ, *главный редактор журнала «Век глобализации»* (вопрос из зала): — Интересная постановка вопроса. Мы здесь раньше обсуждали вопросы глобального терроризма. Ясно, что проблемы терроризма на национальном уровне, как тут было показано, в принципе решаемы, и прежде всего потому, что на уровне национальных государств существует национальное право и более или менее выстроен комплекс мер, который приводит если не к полной ликвидации, то к снижению этой опасности. Если говорить о международном, глобальном терроризме (а мы живем в глобальном мире), то, очевидно, национальное право здесь не инструмент. Но похоже, что не инструмент здесь

и международное право, о котором много говорится. И только вскользь прозвучала речь о создании универсального права. Может быть, тогда лучше назвать его в этом ключе глобальным правом, если мы решаем эту глобальную проблему, а это только одна из глобальных проблем — мировой терроризм. И коль скоро мы живем в глобальном обществе, мой вопрос такой: не должны ли мы стремиться к созданию универсального глобального права, и если должны, то насколько это в принципе возможно? Сегодня это скорее философская проблема, но мнение юристов будет очень важно.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я так понял, Ваш вопрос сводится к тому, что можно провести различия между международным и неким пока не существующим глобальным правом. Возможно, эта постановка вопроса не лишена смысла, потому что уж слишком много белых пятен обнаружилось в международном праве. Вы говорите о проблемах с терроризмом. Слава Богу, этим явлением охвачен не весь мир, конечно, большие территории, но большая часть мира все-таки свободна от этого явления. Возьмите проблемы Интернета, которым пользуется весь мир. А есть ли международные договоры об Интернете? Конечно, нет. Они должны быть? Конечно, да, и здесь тоже возникает проблемность. В общем-то, можно говорить о том, что международное право сейчас находится на смене парадигм, в режиме кризиса. Наверное, о кризисе можно спорить, есть он или нет, но, с моей точки зрения, моей квалификации, это мягкий кризис международного права. Говорить о том, появится ли какое-то глобальное право, на мой взгляд юриста, чье мышление несколько косное, преждевременно. Я думаю, что это невозможно, мы можем только пополнить и восполнить пробелы в международном праве.

В. С. ГЛАГОЛЕВ, *профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук* (вопрос из зала): — Мой вопрос тоже касается белых пятен международного права, но в довольно специфической области — области международных соглашений о контроле над ядерными вооружениями. Как вы знаете, первое испытание ядерной бомбы произошло почти 71 год тому назад, в июле 1945 года, и с тех пор непрерывно происходило совершенствование ядерного оружия всеми, кто его разработал. И я полагаю, что то оружие, которое было получено в 1945-м, к настоящему времени стало традиционным. А появились достаточно специализированные виды оружия не только по мощности, но и по дифференцированности воздействия на различные объекты потенциального противника. Как Вы считаете, в какой-то мере и на закрытых совещаниях, о которых говорил господин Плигин, и в международной юридической прессе обсуждается возможная система совершенствования операций и процедур, касающихся контроля за нетрадиционными видами вооружений, которые существуют на май 2016 года?

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Спасибо за Ваш вопрос, но ответ будет очень короткий. Я судья, а не политик, в отличие от Владимира Николаевича, и поэтому в закры-

тых совещаниях участия не принимаю и соответственно не имею доступа к такого рода информации, которая сейчас Вас интересует. Боюсь, что в этом смысле я для Вас совершенно бесполезен.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я попробую ответить на этот вопрос. На одном из международных политических форумов, которые проводятся в Ярославле, обсуждались вопросы международного права. И такой же вопрос, какой Вы сейчас задали, я направил в сообщество юристов-международников и людей, работающих в сфере политики. Мы обсуждали вопросы, связанные с безопасностью, и у нас есть совершенно определенные конвенции, которые запрещают ядерное, химическое, бактериологическое оружие. А за стеной проходила другая встреча, связанная с развитием технологий. И трудно найти в человеческой истории случай, когда бы эффективная технология не использовалась в военных целях. Поэтому совершенно правильный Ваш вопрос о том, может ли мир столкнуться не с ядерной катастрофой, не с химическим или бактериологическим ужасом, а хотя бы с информационным ужасом, в том числе воздействующим на психику человека. То есть та сфера, которая под правовое регулирование в настоящее время не подпадает. Я задал этот вопрос, и все замахали на меня руками, восклицая: «Господи, да разобраться бы с тем, что есть. Эх куда Вы зашли!» Но я очень рад, что этот вопрос был задан, и ответ, я думаю, понятен, что если обсуждается все очень закрыто, то это не очень эффективно.

У меня, Гадис Абдуллаевич, одно провокационное рассуждение. В частности, в Вашем выступлении и в той широкой дискуссии, которая велась в отношении внутреннего и международного права, использовались такие определения, как «выше», «важнее» и т. д. Знаете, я обратился к своим юным годам, когда писал кандидатскую диссертацию, где у меня было достаточно много высказываний и суждений — больше, быстрее, лучше, хуже. А мой руководитель на полях сделал мне замечание: «Андрей, а на каких весах Вы это взвешивали или какой линейкой Вы это мерили?» После этого я сравнительные степени применительно к праву перестал использовать, если только совершенно случайно. Внутренне у меня есть какой-то стопор.

В настоящее время, когда мы говорим об общих и императивных принципах международного права, мы имеем в виду совершенно определенный международно-правовой документ. Он называется «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», так называемые принципы *jus cogens*. Они стали универсальными нормами международного права, появившись в Декларации, тем не менее приняты как общепризнанные нормы. Поэтому сравнивать их и говорить об их приоритете, наверное, невозможно, так как мы видим, что эти принципы практически инкорпорированы в законодательство даже тех стран, которые относятся, например, к БРИКС.

Вторая группа норм, которые, может быть, могут нарушаться, но являются обязательными, — это нор-

мы международного договора. А что такое международный договор? Это соглашение определенного круга участников, допустим государств, по определенному кругу вопросов, которое становится частью международного права. Поэтому я не совсем воспринял тот накал страстей, когда рассуждали о том, что важнее. Есть определенные сферы регулирования, совершенно безусловные *jus cogens*, которые так и называются — императивные нормы международного права. Более того, раскрыто содержание каждого из этих принципов. Международные договоры различаются по участникам и по предметам регулирования. Я в данном случае противоречий не наблюдаю. Может быть, я все слишком упрощенно понимаю, не знаю. Поэтому я призываю аудиторию во всех дискуссиях обращаться к документам ООН, в частности к этим принципам. Можно просто посмотреть на них — может, что-то интересное и найдем для ответа на многие возникшие вопросы.

Перейдем к следующим вопросам. Я хотел бы предоставить слово профессору Варга для того, чтобы он высказал свои соображения по поводу обсуждаемых проблем.

Ч. ВАРГА: — Право имеет отличительную особенность — оно описывает само себя. Сейчас мы выслушали представителя парламента, представителя Конституционного Суда, мы прослушали выступление о нормах закона с 1965 года. Я уже 51 год в Академии наук Венгрии изучаю проблемы права, но использую другие формулировки. Если говорить о праве в целом, то когда мы разрабатываем закон, мы придаем ему объективность, даем ему направленность. Что для нас означает закон? Закон — это составная часть нас, потому что мы его применяем. И поэтому закон — это составная часть любой культуры. Невозможно отделиться от закона, от права, поскольку это часть человеческой культуры. Таким образом, здесь существует движение в разных направлениях: с одной стороны, ограничение, с другой — расширение областей права. Поэтому споры — это тоже составная часть правовой культуры. Мы только связаны ссылками на те документы, которые применяются в данном обществе.

Международное право — это та планка, которая задана. Поэтому неважно, будет ли какой-то вопрос относиться к Совету Безопасности или к международному суду, потому что, как специалист по международному праву, я должен знать, какого рода метод действует с точки зрения международного права. Само по себе право — это не активная сила, а воображаемая, на которую мы ссылаемся, и особенно любят это делать профессиональные юристы. В этом качестве право имеет очень чувствительные особенности. Например, Вестфальский мирный договор XVII века предусматривал государственное право и международное право, но международное право само по себе и закон сам по себе могут действовать только как символическая сила.

С точки зрения национального права должна существовать определенная социальная цельность. Если российское общество распадется, тогда закон прекратит действовать. Но если культура выступает за право, то закон будет сильным с точки зрения международно-

го права. Существует такое понятие, как баланс сил. Например, ни одна страна не хотела бы, чтобы ее оккупировала другая страна, но в некоторых случаях ради баланса сил это возможно. В данном случае можно говорить только об условном признании международного права. Так что сейчас речь идет о том, что существует односторонний подход к международному праву.

Я бы хотел сделать небольшой комментарий относительно природы прав человека. Прежде всего права человека в целом с точки зрения закона — это то, чего мы желаем. Когда юристы нам говорят о правах человека, то, в общем-то, эти права нигде не зафиксированы. Но когда создается движение в защиту прав человека, это служит для того, чтобы получить от законодателя позитивное решение, используя внутреннее право, как уже отмечал наш австрийский коллега. Консерватор Берк в Англии в свое время отмечал, что французские революции смогли нам что-то сказать о правах человека. А испанский священник впервые в истории человечества заговорил о праве человека на достоинство. Это было еще в начале XVI века, когда шла борьба против колонизации Южной Америки. Это значит, что любой человек где угодно имеет право требовать соблюдения прав человека. Но Берк ответил на это — нонсенс, то есть англичане отказались от этого понятия. Однако если оно будет преобразовано в позитивное право, тогда уже это переходит в ценности. На самом деле все, кроме французов, выступали с декларациями такого рода. А французы выступили с декларацией о правах человека, и в течение более полутора веков это входило в преамбулу Конституции Франции. Но в этом случае мы видим, что закон — это то, что нужно вводить, что требует санкционирования.

Я хочу сказать, что, будучи правоведом, в начале 1970-х годов опубликовал большую монографию о том, что французская Декларация прав человека и гражданина не имела юридической силы. Что же касается Всеобщей декларации прав человека, то здесь надо учитывать ее двойственное, даже сомнительное происхождение. Надо отметить, что Советский Союз, а точнее Сталин, который руководил страной, победил во Второй мировой войне и вообще был очень сильным политиком, поддерживал ее. В то время самая большая сила, которая выступала против существования Всеобщей декларации прав человека, была учреждена ООН — это Американская антропологическая ассоциация. Она утверждала, что говорить о Всеобщей декларации прав человека — абсолютный нонсенс, потому что антропология изучает разных людей. Например, у русских, живущих в европейской части, — одна антропология, у живущих в Сибири — другая, у тех, кто живет на Камчатке, — третья, и т. д. И тогда антропологи в первый раз заявили, что это ведет к деградации человеческого вида. Потому что существует столько различных правовых систем в мире, что только люди на европейском континенте, не включая сюда Великобританию и Соединенные Штаты Америки, могут основываться на главенстве права. А в других государствах, где распространены иудаизм, ислам и другие религии, — там, где это мотивируется этиологиче-

ски, люди потеряют свою веру, если право будет править ими.

Так что право может существовать только здесь, на европейском континенте. И это означает, что права человека находятся в весьма любопытной ситуации. Если вы просто изучаете права человека, это означает, что они не относятся ни к уголовному праву, ни к имущественному праву. Но если вы организуете какое-то движение, чтобы бороться за какие-то права, скажем женщин, опять же вы возвращаетесь к идеологическому значению. Я думаю, что когда речь идет о конституционной справедливости юстиции, надо учитывать мнения российских органов права. Хорошо, что вы использовали понятие мягкого решения. В Венгрию современная правовая культура пришла из Германии, из Пруссии. Там право — это наиболее абстрактная категория на всем европейском континенте.

А в континентальном праве не существует понятия мягкого права, в то время как в Европейском Союзе право было смягчено. А взять, например, Китай. В свое время газета «Жэньминь Жибао» была создана как официальное печатное издание Коммунистической партии Китая и постоянно освещала все публичные выступления Мао Цзэдуна. То же самое было и в Албании, почти то же самое происходит сейчас в Северной Корее, и в ГДР то же самое происходило, когда Советский Союз доминировал. В Китае все должны были слушаться Мао Цзэдуна. Поэтому мы и говорим о смягчении права в Европе. Но сейчас в Европейском Союзе существуют самые разные направления развития правовых материй, на которых основываются страны при реформировании своего права. И надо учитывать абсолютно все. Это означает, что идеологически здесь права человека выходят на важное место. Так что наша сегодняшняя ситуация очень сложная, и вы должны понимать, что не существует собственно права, это нечто идеальное. Все зависит от того, как мы это рассматриваем.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо, господин Варга. Вами были затронуты очень интересные вопросы как сегодняшней актуальности, так и определенной ретроспективы. Слово предоставляется известному адвокату Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Друзья, мне легко выступать, поскольку каждый из предыдущих ораторов «откусывал» по кусочку от того, что я хотел сказать. Выскажу два посыла. Первое: вполне естественно, что право, законодательство — все это продукты определенного культурного уровня, которого достигает человечество или какая-то его часть и определенным образом выражает изменившиеся представления. Я могу связать это с предыдущей темой — темой терроризма. В свое время в царской России существовало понятие политического преступника. Таковыми считались люди, которые применяли любые средства только по своей мотивации, например для борьбы с правящим режимом. Террористы, бомбисты, которые не осуждались к повешению, тоже признавались политическими заключенными.

Сейчас ситуация изменилась, определяющим стало насилие. Когда человек применяет насилие, он не считается политическим преступником, а политические преступники — это те, которые выражают свои взгляды мирным путем. Так и здесь. Мы говорим о международном гуманитарном праве. Хочу обратить внимание на то, что законы пишут люди, люди их применяют и люди же их нарушают. Владимир Николаевич сказал вещь, которая меня немножко насторожила: что сейчас опять нужно обсуждать основополагающее положение о правах человека. Мы уже обсуждали и пришли к выводу, что все-таки право человека, которое не подлежит абсолютно никакому обсуждению, — это право на жизнь. Я его скорректирую. Я считаю, что основное право человека в той естественно-правовой концепции, которая шагнула в законодательство, в международное, национальное право, — это право на достоинство человеческой личности, отсюда выводится и право на жизнь.

Что имеется в виду? Дело в том, что где-то применяется смертная казнь, может быть легитимное насилие, но нельзя применять пытки, должно быть исключено рабовладение. Как было бы хорошо, если бы можно было формулировать все права как абсолютные! Но в европейской конвенции, по которой, соб-

ственно говоря, нужно жить, в том числе и России как члену Совета Европы, есть права абсолютные и права относительные. И, кстати сказать, там перечисляются те ценности, которые ограничивают это право.

И второе. Пользуясь тем, что здесь присутствует Гадис Абдуллаевич, я хочу сказать, что готов аплодировать последнему постановлению Конституционного Суда. Понимаете, есть нормы исключительные, абсолютные, которые не нуждаются в толковании, но большинство норм сформулированы таким образом, что их нужно толковать. И толкуются они как раз для того, чтобы примирить разные ценности, которые друг другу противоречат. Мы живем в противоречивом мире. Можно было принять еще более, я бы сказал, радикальное решение, потому что Конституцию можно истолковать таким образом, что нельзя умалять права человека. Но именно здесь очень важен стиль, устраняющий конфронтацию, которую, я считаю, необоснованно породило это постановление суда. И мое личное мнение, что Европейский суд изменил принцип субсидиарности не впервые — он изменил его в отношении Великобритании, и я действительно полагаю, что лица, которые находятся в местах лишения свободы, голосовать не должны именно по тем рациональным соображениям, о которых говорил Гадис Абдуллаевич.